
18+
Под одним небом
Прованса
Натали Цайтер

Натали Цайтер

Под одним небом Прованса

«Издательские решения»

Цайтер Н.

Под одним небом Прованса / Н. Цайтер — «Издательские решения»,

Прованс, 1920 год. В старинном поместье Вальмон зарождается чувство, которому предстоит пройти через испытания прошлого. Исчезновение Луи Ренара, загадочное письмо и тайна, связывающая семьи Лоранов и Вальмонов, открывают дверь в историю, которую слишком долго скрывали. Пока Изабелла и Андриан ищут правду, кто-то готов на всё, лишь бы они покинули Вальмон. Но какие тайны откроются им и какую цену придётся заплатить за любовь?

© Цайтер Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Незнакомец на террасе 6
Глава 2. Ужин в Вальмоне 11
Глава 3. Свет в восточной галерее 15
Глава 4. За закрытой дверью 19
Глава 5. Запах лаванды 26
Глава 6. Тень западной галереи 30
Глава 7. Между строк 34
Глава 8. Когда гаснет свет 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Под одним небом Прованса

Натали Цайтер

© Натали Цайтер, 2026

ISBN 978-5-0071-6297-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Незнакомец на террасе

Прованс встретил Изабеллу Лоран тёплым ветром, запахом лаванды и солнцем, которое щедро заливало холмы золотистым светом.

Дорога петляла между виноградниками, уходила под арки старых деревьев и снова открывала просторные долины, над которыми в лёгкой дымке мерцало летнее небо.

Изабелла смотрела в окно автомобиля, стараясь запомнить каждую деталь.

Она любила места, в которых время словно двигалось медленнее, а старые дома хранили в своих стенах больше историй, чем могли рассказать их нынешние обитатели.

Впрочем, в чужие истории она предпочитала не вмешиваться без приглашения.

Её приглашение в поместье де Монтрё было вполне официальным.

Три месяца работы над коллекцией старинных картин, подготовка нескольких полотен к летнему балу и возможность получить рекомендацию от одного из самых известных частных собраний на юге Франции.

Для реставратора, которому ещё предстояло утвердить собственное имя в профессиональном мире, предложение было слишком хорошим, чтобы от него отказаться.

— Château de Valmont, мадемуазель, — сообщил водитель.

Изабелла подняла глаза.

За высокими коваными воротами показалось поместье.

Светлый камень стен, высокие окна, балконы с чугунными ограждениями и широкая лестница, ведущая к главному входу, выглядели одновременно величественно и удивительно уютно.

Вдоль дорожки росли кипарисы, а у фонтана цвели розы.

Чуть дальше, за стеной сада, начинались виноградники, уходившие к далёким холмам.

— Должна признать, — негромко произнесла Изабелла, — у заказчика неплохой вкус.

Водитель улыбнулся в зеркало.

— Господин де Монтрё этим гордится.

— Тогда надеюсь, что его вкус распространяется и на реставрацию.

Машина остановилась у входа.

Изабелла поправила светлую блузку, взяла сумку и папку с документами и вышла наружу.

Воздух пах нагретым камнем, розмарином и цветами.

Где-то во дворе журчал фонтан, а из открытого окна доносилась тихая музыка.

Её встретила мадам Бертран, управляющая домом.

Серебристые волосы были аккуратно уложены, на платье не было ни единой складки, а взгляд выдавал привычку замечать всё, даже если она предпочитала не комментировать увиденное.

— Добро пожаловать в Вальмон, мадемуазель Лоран.

Надеюсь, дорога не слишком вас утомила.

— Совсем немного.

Но после такого вида на виноградники я готова простить дороге все её повороты.

— Это хорошо.

Господин де Монтрё будет рад познакомиться с вами за ужином.

— А картины?

— спросила Изабелла.

Мадам Бертран едва заметно улыбнулась.

— Мне сказали, что вы захотите увидеть их прежде, чем распакуете чемодан.

— Значит, обо мне уже составили определённое мнение.

— Пока только положительное.

— Как предусмотрительно.

Они обменялись улыбками и направились внутрь.

В главной галерее было прохладно.

Сквозь высокие окна проникал мягкий свет, ложившийся на паркет длинными прямоугольниками.

На стенах висели портреты прежних владельцев поместья: мужчины в тёмных сюртуках, женщины с жемчужными ожерельями, дети с серьёзными лицами.

Казалось, каждый из них был уверен, что его взгляд должен сопровождать посетителя от одной двери до другой.

Изабелла остановилась перед небольшим пейзажем в позолоченной раме.

— Эту картину давно не реставрировали?

— Насколько мне известно, лет сорок, — ответила мадам Бертран.

— Тогда ей повезло.

Ещё немного, и её начали бы считать старше самого поместья.

— Вы всегда так разговариваете с картинами?

— Только с теми, которые не могут мне возразить.

Управляющая рассмеялась.

— Думаю, вы здесь приживётесь.

— Посмотрим.

Я ещё не знакома с хозяином.

— Он не так страшен, как может показаться.

— Это обычно говорят о людях, которые не страшны только своим знакомым.

На этот раз мадам Бертран не ответила.

Лишь посмотрела на Изабеллу с выражением человека, которому новая гостья уже начинает нравиться.

Мастерская находилась в восточном крыле.

Здесь пахло льняным маслом, древесиной и старыми книгами.

У стены стояли мольберты, на столе были аккуратно разложены инструменты, а несколько полотен ждали своей очереди под защитной тканью.

Изабелла сразу забыла о дороге.

Она проверила условия освещения, осмотрела рамы, заглянула в опись коллекции и сделала первые заметки.

Работа обещала быть интересной.

Некоторые картины требовали лишь бережной очистки, другие нуждались в более серьёзном вмешательстве.

На одном полотне она обнаружила следы старого лака, который заметно изменил первоначальные цвета.

— Вот это уже интереснее, — пробормотала она.

— Надеюсь, в хорошем смысле?

Изабелла обернулась.

Мадам Бертран стояла в дверях.

— В профессиональном.

Иногда это одно и то же, иногда нет.

— Ужин в восемь.

Если вам понадобится что-нибудь до этого времени, позвоните по внутреннему телефону.

— Спасибо.

Постараюсь не утонуть в работе.

— В Вальмоне это случается чаще, чем вы думаете.

Когда управляющая ушла, Изабелла ещё некоторое время занималась описью.

Она не любила оставлять незаконченные дела, особенно если могла закончить их сегодня.

Однако вскоре в мастерской стало душно, и она решила выйти на террасу.

Снаружи вечер уже начинал менять краски.

Солнце опускалось за виноградники, окрашивая каменные стены в тёплый медовый цвет.

Ветер шевелил листья роз, а на дальнем склоне медленно двигался трактор, оставляя за собой тонкую полосу пыли.

На террасе было пусто.

Изабелла поставила папку на небольшой столик и подошла к каменному ограждению.

Отсюда поместье выглядело совсем иначе, чем со стороны дороги: не парадным дворцом, а большим старым домом, в котором, вероятно, каждое окно знало свои привычки, а каждая дверь открывалась с особым звуком.

Она услышала шаги, но не обернулась сразу.

— Надеюсь, вид оправдал ваши ожидания.

Голос был спокойным, с лёгкой хрипотцой.

В нём не чувствовалось ни желания произвести впечатление, ни привычки извиняться за собственное присутствие.

Изабелла повернула голову.

Мужчина стоял у выхода на террасу.

Высокий, в светлой рубашке с расстёгнутым верхним воротом, он выглядел скорее человеком, который провёл день на воздухе, чем хозяином старинного поместья.

Тёмные волосы слегка растрепал ветер.

Лицо было привлекательным, но без той нарочитой безупречности, которая иногда заставляла людей казаться похожими на собственные портреты.

Он смотрел на неё внимательно, хотя выражение его лица почти не менялось.

— Вид прекрасен, — ответила Изабелла.

— А вот с дорогой у вас сложные отношения.

— Дорога?

— Она решила проверить, насколько сильно я хочу сюда попасть.

Уголок его губ едва заметно приподнялся.

— И каков результат?

— Я пока не решила.

— Разумно.

Вы ведь приехали не на экскурсию.

— Именно.

Он подошёл ближе, остановившись на расстоянии, которое позволяло разговаривать свободно, не нарушая чужого пространства.

— Андриан де Монтрё.

— Изабелла Лоран.

— Я знаю.

Мадам Бертран сообщила, что вы уже осмотрели мастерскую.

— У неё хорошая память.

— И весьма точные наблюдения.

— Надеюсь, не обо мне?

— Пока нет оснований для серьёзных выводов.

Изабелла посмотрела на него чуть внимательнее.

Ответ был произнесён без тени насмешки, но в нём чувствовалась лёгкая игра.

Она не улыбнулась — по крайней мере, не настолько, чтобы это можно было считать уступкой.

— Какое облегчение.

Я ещё не успела проявить себя в полной мере.

Теперь улыбка появилась у него самого.

Короткая, сдержанная, почти незаметная.

— Уверен, у вас будет такая возможность.

На мгновение между ними повисла тишина.

Не неловкая, но и не вполне обычная.

Изабелла заметила, что Андриан не пытается заполнить её пустыми любезностями.

Он не задавал вопросов о её карьере, не расспрашивал о дороге и не говорил, как рад принять её в своём доме.

Вместо этого он смотрел на виноградники, словно разговор мог продолжаться и без обязательных фраз.

Это ей понравилось.

Она тут же решила, что не собирается придавать этому обстоятельству никакого значения.

— Вы давно живёте здесь?

— спросила она.

— Достаточно давно, чтобы знать, в какое время лучше выходить на эту террасу.

— И какое же?

— Когда гости ещё не успели решить, что должны непременно со мной поговорить.

Изабелла не удержалась от улыбки.

— Значит, я нарушила ваше спокойствие?

— Пока нет.

— Вы очень осторожны в обещаниях, господин де Монтрё.

— Это помогает избегать разочарований.

— Или скуки.

Он повернул к ней голову.

— Вы считаете, что осторожность делает жизнь скучной?

— Я считаю, что иногда люди называют осторожностью нежелание рисковать.

На этот раз он не ответил сразу.

В её голосе не было вызова, но и желания понравиться тоже не было.

Изабелла говорила так, словно не замечала ни его фамилии, ни положения, ни того, что большинство людей наверняка старались бы вести себя с ним несколько иначе.

Андриан привык к любезности.

К ней прилагались улыбки, комплименты, осторожно выбранные слова.

Он научился распознавать их почти раньше, чем собеседник успевал произнести фразу до конца.

С Изабеллой всё было иначе.

Она не пыталась привлечь его внимание.

Более того, казалось, что она вполне способна закончить разговор в ту же секунду, когда сочтёт его исчерпанным.

И почему-то именно это заставляло его продолжать.

— Возможно, — произнёс он наконец.

— Но не всякий риск оправдывает себя.

— Согласна.

Особенно если речь идёт о плохо отреставрированной картине.

— Надеюсь, вы не собираетесь оценивать таким образом и хозяина дома?

— Я предпочитаю сначала осмотреть предмет работы.

Андриан тихо рассмеялся.

Это был первый раз за весь день, когда он позволил себе забыть о предстоящих делах.

Он не собирался задерживаться на террасе: впереди был телефонный разговор, несколько документов и ужин, на котором ему предстояло обсуждать подготовку к балу.

Но теперь почему-то не торопился уходить.

Изабелла тоже могла бы вернуться в мастерскую.

Её папка лежала на столике, а список работ оставался незавершённым.

И всё же она продолжала стоять у ограждения, делая вид, что её интересует исключительно вечерний вид.

— Ужин в восемь, — сказал Андриан.

— Надеюсь, вы к нам присоединитесь.

— Если ваши картины не потребуют моего немедленного вмешательства.

— Постараюсь предупредить их, чтобы они вели себя прилично.

— Не думаю, что они вас послушаются.

Он слегка склонил голову, словно принимая замечание.

— До вечера, мадемуазель Лоран.

— До вечера, господин де Монтрё.

Андриан ушёл первым.

Его шаги затихли в коридоре, и терраса снова погрузилась в тишину.

Изабелла посмотрела ему вслед, затем сердито поправила папку на столе.

Ей не понравилось, что она заметила его улыбку.

Ещё меньше ей понравилось, что теперь вспоминала её, хотя в этом не было совершенно никакой необходимости.

Он был всего лишь хозяином дома.

Красивым, несколько самоуверенным, с хорошими манерами и привычкой говорить так, словно каждое слово имело своё место.

Ничего особенного.

Она вернулась в мастерскую и принялась за работу с таким усердием, будто собиралась доказать это самой себе.

Андриан тем временем остановился у высокого окна в конце коридора.

Внизу, на террасе, Изабелла уже склонилась над бумагами.

Он задержал на ней взгляд всего на мгновение, после чего отвернулся.

У него было достаточно причин не отвлекаться на новую сотрудницу.

И ни одной причины задерживаться у окна.

Поэтому он продолжил путь.

Но, спускаясь по лестнице, неожиданно поймал себя на мысли, что ужин сегодня, возможно, окажется интереснее, чем он рассчитывал.

И это было всё, что он позволил себе подумать об Изабелле Лоран.

Глава 2. Ужин в Вальмоне

Ровно в восемь Изабелла закрыла мастерскую.

Она успела закончить опись двух полотен и записать замечания по поводу старого лака, но мысли то и дело возвращались к предстоящему ужину.

Не к самому ужину, конечно.

К тому, что после целого дня работы ей придётся провести ещё несколько часов в обществе человека, который умел задавать вопросы так, будто не особенно нуждался в ответах.

Она выбрала тёмно-зелёное платье простого кроя, собрала волосы и оставила на туалетном столике украшения, которые могла бы надеть по случаю знакомства с хозяином поместья.

Ей не хотелось выглядеть так, словно она готовилась к приёму при дворе.

Это был всего лишь ужин.

По дороге в столовую Изабелла услышала голоса из соседней гостиной.

Кто-то из слуг негромко сообщил, что господин де Монтрё уже ждёт.

Она вошла и увидела длинный стол, освещённый свечами, серебряные приборы и вазу с белыми розами.

Андриан стоял у окна и разговаривал с пожилым управляющим виноградниками.

Заметив Изабеллу, он закончил разговор и повернулся к ней.

— Вы пунктуальны, мадемуазель Лоран.

— А вы, кажется, ожидали обратного.

— Я предпочитаю не строить ожиданий до знакомства.

— Удобная привычка.

Меньше поводов разочароваться.

Он посмотрел на неё с тем же сдержанным любопытством, которое она заметила на террасе.

— Вы быстро усваиваете мои правила.

— Пока я усвоила только одно: вы любите осторожные формулировки.

— А вы предпочитаете говорить прямо?

— Когда это экономит время.

— Тогда постараюсь не тратить его напрасно.

Он предложил ей место за столом.

Ужин начался с лёгкого супа из сезонных овощей, затем подали запечённую рыбу, зелень и тёплый хлеб.

Андриан расспрашивал Изабеллу о её работе, но не тем тоном, которым хозяин дома проверяет нанятого специалиста.

Он действительно хотел понять, почему она выбрала реставрацию и что заставляет её часами разглядывать едва заметные трещины на старом холсте.

— Наверное, это требует огромного терпения, — заметил он.

— Терпения и умения не вмешиваться раньше времени.

— Даже если вы видите, что можно исправить?

— Особенно тогда.

Иногда то, что кажется ошибкой, на самом деле часть замысла.

Если торопиться, можно уничтожить то, что собирался спасти.

Андриан медленно покрутил бокал в руке.

— Полагаю, это относится не только к картинам.

— Возможно.

Но за людей я не берусь.

— Разумное решение.

— Вы говорите так, будто сами однажды пытались.

Он поднял на неё глаза.

Вопрос был произнесён легко, почти шутливо, однако Изабелла почувствовала, что случайно коснулась темы, о которой он не собирался говорить.

— У каждого есть занятия, в которых он не так искусен, как ему хотелось бы, — ответил Андриан.

Она не стала расспрашивать.

Ей не нравилось, когда люди задавали личные вопросы под видом любезности, и она не собиралась поступать так же.

Вместо этого Изабелла указала на небольшую картину, висевшую у двери столовой.

— Этот пейзаж гораздо интереснее, чем кажется издалека.

Андриан оглянулся.

— Он принадлежал моей бабушке.

Она говорила, что художник написал его после дождя.

— Тогда он хорошо знал Прованс.

Здесь даже воздух после дождя выглядит иначе.

— Вы уже успели полюбить этот край?

— Я приехала несколько часов назад.

Не торопите меня с чувствами.

Он рассмеялся, на этот раз открыто, и Изабелла неожиданно обнаружила, что ей нравится звук его смеха.

Не потому, что он был особенно красив или громок.

Просто в такие мгновения Андриан переставал казаться человеком, который всегда знает, что следует сказать и когда следует замолчать.

Она опустила взгляд к тарелке, надеясь, что он не заметил её улыбки.

После ужина Андриан предложил пройтись по саду.

Изабелла уже собиралась отказаться: за день она устала, а на утро у неё было достаточно работы.

Но за открытыми дверями лежал сад, залитый мягким лунным светом, и воздух там казался прохладнее.

— Небольшая прогулка не помешает, — сказала она.

— Если только вы не собираетесь читать мне историю каждого куста.

— Я оставлю самые длинные рассказы на другой вечер.

— Как великодушно.

Они вышли на дорожку, обрамлённую розовыми кустами.

В темноте цветы казались почти белыми, а листья кипарисов сливались с небом.

Из открытых окон доносилась музыка, и где-то в глубине сада тихо журчала вода.

Сначала они говорили о поместье.

Андриан рассказал, что виноградники требуют больше внимания, чем принято думать, а Изабелла призналась, что до приезда представляла себе Прованс немного иначе — менее жарким и гораздо более спокойным.

— Вы разочарованы?

— спросил он.

— Пока нет.

Но я оставляю за собой право изменить мнение.

— Вы всегда оставляете себе последний выход?

— Только если не уверена, что дверь открывается в обе стороны.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение.

Изабелла не стала уточнять, что именно он услышал в её словах.

У старого фонтана дорожка сужалась.

Андриан пропустил её вперёд, и на мгновение их руки соприкоснулись.

Это было случайное касание — лёгкое, почти незаметное.

Изабелла сразу убрала руку, чтобы поправить складку на платье.

Андриан продолжил идти, не изменившись в лице.

Они оба сделали вид, что ничего не произошло.

И всё же следующие несколько шагов прошли в тишине, которая уже не казалась такой простой, как прежде.

— Там, за кипарисами, находится старая оранжерея, — сказал Андриан, словно продолжая прежний разговор.

— Сейчас ею почти не пользуются.

Когда-то моя бабушка выращивала там редкие сорта камелий.

— Почему перестали?

Он слегка пожал плечами.

— После её смерти садовник не смог поддерживать всё в прежнем порядке.

А потом появились другие заботы.

Изабелла увидела между деревьями тёмный силуэт стеклянной крыши.

Оранжерея выглядела заброшенной, хотя вдоль стены ещё пробивались аккуратные кусты розмарина.

— Жаль.

Такие места обычно заслуживают второго шанса.

— Вы собираетесь реставрировать ещё и оранжерею?

— Только если она сама попросит.

Андриан улыбнулся, но в этот раз не стал отвечать.

Он посмотрел в сторону оранжереи чуть дольше, чем требовал обычный взгляд на старую постройку, и Изабелла это заметила.

Не спросила — пока не было причины.

Когда они вернулись к дому, у входа их ждала мадам Бертран с небольшим подносом.

Она сообщила Андриану, что садовник просил разрешения убрать несколько сухих ветвей у восточной стены.

Андриан коротко распорядился, чтобы работу отложили до утра.

— Вы всегда так поздно решаете дела?

— спросила Изабелла, когда управляющая ушла.

— Только те, которые не могут подождать.

— А какие могут?

— Большинство.

Если не делать вид, что мир рухнет без немедленного решения.

Изабелла посмотрела на него с неожиданным интересом.

В этой фразе было больше здравого смысла, чем она ожидала услышать от человека, которому принадлежало целое поместье.

— Тогда спокойной ночи, господин де Монтрё.

— Спокойной ночи, мадемуазель Лоран.

Надеюсь, картины позволят вам выспаться.

— За картины я не поручусь.

За себя — постараюсь.

Она поднялась по лестнице и не оглянулась.

Андриан остался у двери, слушая, как её шаги постепенно затихают наверху.

Он мог бы вернуться к делам, но несколько секунд просто стоял на месте, удивляясь тому, как легко прошёл этот вечер.

Изабелла закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной.

В доме было тихо.

На туалетном столике лежали оставленные украшения, а за окном колыхались тёмные ветви.

Она вспомнила случайное прикосновение у фонтана и тут же рассердилась на себя: это было всего лишь касание рук.

Ничего больше.

Она погасила свет, но сон не пришёл сразу.

Вместо этого в памяти снова возникла его сдержанная улыбка, а затем — короткая пауза у оранжереи, когда Андриан посмотрел на неё так, словно собирался что-то сказать и передумал.

В другой части дома Андриан тоже не спешил ложиться.

Он открыл книгу, прочёл одну и ту же строку трижды и наконец закрыл её с раздражением.

Новая реставраторша была умна, упряма и совершенно не старалась ему понравиться.

Это, безусловно, делало её удобным собеседником.

Только почему он уже ждал следующего разговора?

Утром Изабелла собиралась начать работу с пейзажа в восточной галерее.

А Андриан, сам того не признавая, решил, что найдёт повод заглянуть туда до своих обычных дел.

Тем временем в саду, за кипарисами, лунный свет серебрил запылённые стёкла старой оранжереи.

У одной из дверей, почти скрытой плющом, блеснуло маленькое латунное крепление — будто кто-то недавно проверял, заперта ли она.

Глава 3. Свет в восточной галерее

Утро в Вальмоне началось с тонкого золотого света, который медленно поднимался по стенам восточного крыла.

Изабелла пришла в галерею раньше остальных.

Ей хотелось закончить осмотр пейзажа, замеченного накануне у двери столовой: чем дольше она вспоминала картину, тем яснее понимала, что её состояние требовало более внимательного изучения.

Она поставила рядом с полотном переносную лампу, раскрыла блокнот и осторожно осмотрела раму.

На верхнем углу позолота потемнела, а возле крепления виднелась тонкая трещина.

Ничего необычного для старой работы — если бы не маленькая свежая царапина на внутренней стороне рамы.

Изабелла наклонилась ближе.

Царапина была узкой и ровной, словно кто-то недавно поддевал крепление металлическим инструментом.

— Надеюсь, вы не собираетесь обвинять картину в дурном поведении с самого утра.

Она выпрямилась так быстро, что едва не задела локтем лампу.

Андриан стоял у входа, держа в руке чашку кофе.

На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами; вид у него был такой, будто он собирался пройти мимо, но любопытство оказалось сильнее намерения.

— Пока я обвиняю только того, кто поцарапал раму, — ответила Изабелла.

— У картины есть право на защиту.

— И кто же подозреваемый?

— Тот, кто считает, что старинные вещи можно открывать без специалиста.

Андриан поставил чашку на подоконник.

Его улыбка исчезла не сразу, но взгляд стал внимательнее.

— Вы думаете, раму открывали?

— Я думаю, что след свежий.

Это ещё не доказательство, но достаточно веская причина не трогать её дальше, пока я не проверю крепления.

Он подошёл к полотну.

Изабелла заметила, что на этот раз он не пытался шутить и не задавал вопросов ради разговора.

Он действительно смотрел на раму — сосредоточенно, почти так же, как она сама.

— Эта картина висела здесь всю мою жизнь, — сказал он.

— Насколько я знаю, её не снимали со стены много лет.

— Тогда, возможно, кто-то решил, что именно сейчас настало подходящее время.

— В Вальмоне люди иногда принимают странные решения.

— Это вы говорите как хозяин дома или как человек, который не хочет отвечать на дополнительные вопросы?

Андриан медленно повернул к ней голову.

— Вы всегда замечаете больше, чем вам сообщают?

— Это полезное качество в моей работе.

— А за её пределами?

— Там оно иногда мешает.

Но избавиться от него я пока не смогла.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал разговор.

Изабелла почувствовала этот взгляд и тут же вернулась к раме, словно её внимание целиком занимали трещины и старый лак.

Ей не хотелось, чтобы он решил, будто она ищет повод остаться с ним наедине.

Хотя, если быть честной, его присутствие уже не казалось ей таким неудобным, как следовало бы.

— Мне понадобится помощник, — сказала она.

— Нужно осторожно снять картину и проверить заднюю часть.

Одной мне не справиться.

— Что нужно делать?

Она объяснила, где держать раму и как поддерживать нижний край.

Андриан снял пиджак, повесил его на спинку стула и встал рядом.

В тесном пространстве между стеной и мольбертом им пришлось действовать почти синхронно.

— На счёт три, — сказала Изабелла.

— Раз… два…

— Вы всегда пропускаете три?

— Только когда помощник слишком разговорчив.

Он тихо усмехнулся.

Они приподняли картину.

Рама оказалась тяжелее, чем выглядела, и в тот момент, когда Андриан изменил хват, нижний угол соскользнул с опоры.

Изабелла инстинктивно потянулась удержать его; Андриан одновременно перехватил раму.

На мгновение их руки соприкоснулись поверх дерева, а расстояние между ними стало почти неприлично коротким.

— Осторожно, — произнёс он уже без улыбки.

— Я как раз собиралась сказать то же самое.

Они удержали картину и осторожно поставили её на мягкие опоры.

Изабелла отступила первой, поправляя рукав.

Андриан занялся креплениями, будто ничего не произошло, и она с благодарностью приняла это молчание.

За полотном обнаружилась старая бумажная подложка.

Края её пожелтели, но один участок выглядел заметно светлее остальных.

На дереве остались следы от недавно вынутых гвоздей, а в углу между подложкой и рамой застрял узкий клочок синей нити.

Изабелла не стала прикасаться к нему сразу.

Она сделала несколько снимков, записала положение каждого крепления и только потом осторожно сняла нить пинцетом.

— Это меняет дело?

— спросил Андриан.

— Пока это меняет список вопросов.

Кто-то открывал раму.

Возможно, по неосторожности, возможно, намеренно.

Я не стану делать выводов, пока не изучу всё как следует.

— Вы не любите поспешных заключений.

— Особенно когда они удобны.

Андриан понял, что она говорит не только о картинах.

На секунду его лицо стало непроницаемым, и Изабелла пожалела, что не сумела удержать фразу при себе.

Но он не отстранился и не попытался закончить разговор.

— Что вам нужно от меня?

— спросил он.

— Чтобы никто не трогал эту картину до завершения осмотра.

И чтобы я получила старую опись коллекции, если она сохранилась.

— Я попрошу мадам Бертран найти документы.

— Спасибо.

И ещё…

Если вы вспомните, кто мог снимать картину, скажите мне.

Даже если причина покажется вам незначительной.

— Хорошо.

Ответ прозвучал просто.

Без обещаний, которые нельзя проверить, и без привычной хозяйской уверенности.

Изабелла поймала себя на том, что это ей нравится.

Когда Андриан собрался уходить, она заметила на его руке тонкую полоску пыли от старой рамы.

— У вас на пальцах следы, — сказала она.

Он посмотрел на ладонь.

— Полагаю, это цена участия в искусстве.

— Не преувеличивайте.

Вы всего лишь подержали картину.

— И всё же теперь я могу утверждать, что внёс вклад в реставрацию.

— Весьма скромный вклад.

— Но вы его запомните.

Изабелла подняла глаза.

Он произнёс это легко, почти небрежно, однако в его взгляде снова мелькнуло то спокойное внимание, от которого ей становилось труднее сохранять привычную невозмутимость.

— Не обольщайтесь, господин де Монтрё.

Я веду подробные записи обо всех повреждениях.

— Тогда надеюсь, моё имя окажется в правильной графе.

Он ушёл прежде, чем она успела придумать ответ.

Изабелла смотрела ему вслед всего секунду, после чего заставила себя вернуться к работе.

На столе лежала синяя нить, рядом — снимки креплений и открытый блокнот.

Теперь у неё было дело, которое требовало внимания.

И всё же, когда через несколько минут в галерею вошла мадам Бертран с папкой старых описей, Изабелла поймала себя на том, что невольно прислушивается к шагам в коридоре.

Мадам Бертран положила документы на стол.

— Вы уже нашли проблему?

— Пока только следы того, что кто-то интересовался этой картиной совсем недавно.

Управляющая посмотрела на полотно, затем на синюю нить в маленьком стеклянном блюдце.

На её лице не отразилось ничего определённого, но пальцы на мгновение крепче сжали край папки.

— Тогда, мадемуазель Лоран, — сказала она после короткой паузы, — советую вам записывать каждую мелочь.

В этом доме мелочи иногда оказываются важнее целых историй.

— Вы говорите так, будто знаете больше, чем собираетесь рассказать.

— Я говорю так, потому что слишком давно живу в старых домах.

Мадам Бертран раскрыла папку и стала искать нужную страницу.

Изабелла склонилась над документами.

На полях одной из описей чьим-то выцветшим почерком была сделана пометка, которую позднее дописали другим чернилом.

Дата относилась к давним годам, а название картины совпадало с тем, что стояло перед ними.

Подпись рядом с пометкой была почти стёрта.

Разобрать удалось лишь первую букву — и маленький завиток, похожий на начало фамилии.

Изабелла не стала вслух читать найденное.

Она пока не знала, что именно перед ней, и не собиралась позволять воображению подменять факты.

Но впервые с приезда в Вальмон ей показалось, что работа здесь будет куда сложнее, чем простая реставрация старых полотен.

Глава 4. За закрытой дверью

Вальмон умел хранить тишину.

По утрам она жила в длинных коридорах, где шаги звучали тише обычного, в полуприкрытых ставнях и в прохладных комнатах, ещё не успевших прогреться под южным солнцем.

Но в тот день Изабелле казалось, что за этой тишиной что-то скрывается.

Она сидела в восточной галерее над старой описью картин.

Рядом лежали фотографии рамы, сделанные накануне, и маленькое блюдце с синей нитью.

Документы были составлены аккуратным почерком, однако некоторые страницы явно заменяли более поздними.

В нескольких местах даты не совпадали, а напротив двух картин стояли одинаковые пометки, словно их когда-то рассматривали как части одной коллекции.

Изабелла провела пальцем по краю страницы.

— Ну что же вы от меня прячете?

— тихо произнесла она.

— Если вы разговариваете с документами, надеюсь, они отвечают более вежливо, чем люди.

Она подняла голову.

Андриан стоял в дверях.

Сегодня он был в тёмно-синем пиджаке, без галстука, и держал в руках тонкую папку.

— Пока они гораздо разговорчивее некоторых хозяев поместья, — ответила Изабелла.

— Значит, мне стоит беспокоиться за свою репутацию.

— Для начала вам стоит научиться стучать.

— Я постучал.

— Тогда, вероятно, слишком тихо.

Он посмотрел на дверь, затем снова на неё.

— В следующий раз постараюсь предупредить вас о своём появлении так, чтобы услышали даже картины.

Изабелла улыбнулась, но тут же опустила глаза к документам.

Ей не хотелось слишком быстро привыкать к этим коротким разговорам.

С Андрианом было легко обмениваться колкостями, и именно это настораживало её больше всего.

Он не пытался казаться обаятельным, не осыпал её комплиментами, не требовал внимания.

Он просто появлялся рядом — и почему-то после этого обычная работа становилась немного менее обычной.

— Я принёс старую опись, которую нашла мадам Бертран, — сказал он, кладя папку на стол.

— Возможно, она поможет вам разобраться с картиной.

— Вы нашли её сами?

— Нет.

Я поручил это управляющей.

— А я уже решила, что вы провели утро в пыльном архиве.

— Не сомневаюсь, что это произвело бы на вас сильное впечатление.

— Не преувеличивайте.

Я бы оценила вашу усидчивость.

Андриан тихо рассмеялся.

Он редко смеялся при других.

По крайней мере, в последние годы ему всё реже встречались люди, рядом с которыми хотелось забыть о привычной сдержанности.

Большинство гостей обращались к нему с тщательно подобранными словами, присматривались к его реакции и старались понравиться.

Изабелла же, казалось, совершенно не замечала, что каждое её замечание могло бы показаться дерзостью в другом доме.

И, что было особенно странно, ему это нравилось.

— Здесь есть кое-что интересное, — сказала она, развернув старую опись.

— Посмотрите.

В одном из разделов значилась картина, обозначенная как «Пейзаж с голубой дверью».

Дата создания была указана приблизительно, а имя художника оставалось неизвестным.

Ниже другим почерком добавили короткую фразу: «Передать в восточную галерею после завершения работ».

— Вы знаете эту картину?

— спросила Изабелла.

Андриан нахмурился.

— Нет.

По крайней мере, не под таким названием.

— Возможно, её переименовали.

— Или убрали из коллекции.

Он произнёс это спокойно, но Изабелла заметила, как внимательно он перечитал строку.

— В старых описях иногда встречаются ошибки, — сказала она.

— Но здесь несколько исправлений сделаны одной рукой.

Кто-то возвращался к этим записям.

— Вы думаете, это связано с повреждённой рамой?

— Пока не знаю.

Но было бы разумно проверить, сохранилась ли сама картина.

Андриан закрыл папку.

— В доме есть помещение, куда давно не заглядывали.

Старые вещи свозили туда после ремонта восточного крыла.

Возможно, она среди них.

— Где оно находится?

— В старой оранжерее.

Изабелла вспомнила дверь, которую они видели накануне во время прогулки.

Тёмное стекло, потемневшая рама, густой плющ, почти скрывавший ручку.

— Вы сказали, что туда давно не заходили.

— Я сказал, что туда давно не заглядывали.

Это не совсем одно и то же.

— Вы всегда так тщательно подбираете слова?

— Только когда собеседник задаёт слишком много вопросов.

— Тогда вам придётся нелегко.

Я реставратор.

Моя работа — задавать вопросы вещам, которые предпочли бы молчать.

— Боюсь, оранжерея не сможет вам ответить.

— Посмотрим.

Она произнесла это без вызова, просто как человек, который уже принял решение.

Андриан посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло знакомое выражение — смесь удивления и едва заметного удовольствия.

— Хорошо, — сказал он.

— После обеда я покажу вам, где находится ключ.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас у вас работа, а у меня встреча с управляющим виноградниками.

— Значит, вы умеете откладывать любопытство.

— В отличие от некоторых.

— Я не любопытна.

Я профессионально заинтересована.

— Разумеется, мадемуазель Лоран.

Он поклонился с такой преувеличенной серьёзностью, что она всё-таки рассмеялась.

Именно этот смех Андриан унес с собой, когда вышел из галереи.

После обеда они встретились у боковой лестницы.

Андриан принёс старую связку ключей.

Один из них был длинным, с потемневшей головкой и следами ржавчины у основания.

— Вот этот, — сказал он.

— Но предупреждаю: дверь может открываться с трудом.

— Я переживу.

— Вы слишком уверены в себе.

— А вы слишком часто предупреждаете меня о трудностях.

— Кто-то же должен.

Они вышли во внутренний двор.

Солнце стояло высоко, и воздух пах нагретым камнем, травой и виноградными листьями.

За стеной сада виднелись ряды лоз, уходившие к холмам.

Изабелла на мгновение замедлила шаг, невольно любуясь пейзажем.

Андриан заметил это.

— Вам нравится Прованс?

— Да.

Здесь даже тишина кажется живой.

— А Вальмон?

Она повернулась к нему.

— Я пока не решила.

— Справедливо.

— Хотя дом красивый.

— Это уже кое-что.

— Но его двери явно нуждаются в ремонте.

— Вот теперь вы ранили мои чувства.

— У вас очень чувствительные двери, господин де Монтрё.

Он покачал головой, скрывая улыбку.

Оранжерея находилась за дальним садом.

Когда они подошли ближе, Изабелла увидела, что некоторые стёкла были мутными, а металлические переплёты покрылись тёмными пятнами.

Вдоль стены тянулись старые кадки, заросшие сухими стеблями.

Когда-то здесь, должно быть, выращивали цитрусовые и редкие цветы, но теперь помещение выглядело забытым.

И всё же оно не казалось совершенно заброшенным.

У порога на камне виднелась свежая полоска земли, словно недавно передвигали тяжёлый предмет.

А на ручке двери не было такого слоя пыли, какой Изабелла ожидала увидеть.

Она ничего не сказала.

Андриан вставил ключ в замок.

Тот повернулся не сразу.

Он попробовал ещё раз, слегка надавил на дверь, и раздался сухой щелчок.

Внутри пахло влажной землёй, старым деревом и чем-то едва уловимым — возможно, остатками цветочного аромата, въевшегося в стены много лет назад.

Изабелла шагнула внутрь.

Под высоким стеклянным потолком стояли длинные столы, покрытые пылью.

У стены лежали пустые ящики, несколько рам и свёрнутые полотна.

Дневной свет проникал сквозь мутные стёкла, разбиваясь на бледные полосы.

— Здесь действительно давно никто не работал, — сказала она.

Андриан посмотрел на пол.

— Не везде.

Она проследила за его взглядом.

В пыли тянулись следы обуви.

Они шли от входа к дальнему углу, где стоял высокий шкаф.

— Вы приходили сюда недавно?

— спросила Изабелла.

— Нет.

Он ответил слишком быстро, и она это заметила.

Но вместо того чтобы продолжить расспросы, подошла к ближайшему столу.

На нём лежала деревянная рамка без картины.

Позолота почти осыпалась, а в нижнем углу сохранился маленький узор из синих листьев.

Изабелла осторожно подняла её.

— Посмотрите на орнамент.

Андриан подошёл ближе.

— Что с ним?

— Такой же оттенок синего встречается на раме картины из галереи.

И похожий узор.

Возможно, они были изготовлены в одной мастерской.

— Вы можете это подтвердить?

— После сравнения материалов — да.

Пока это только предположение.

Она перевернула рамку.

На задней стороне обнаружилась бумажная наклейка, почти полностью оторванная.

От надписи остались несколько букв и цифра, похожая на восьмёрку.

Изабелла достала телефон, чтобы сделать снимок, и в этот момент из дальнего угла донёсся тихий звук.

Будто что-то сдвинули.

Они оба замерли.

— Вы слышали?

— спросила она шёпотом.

— Да.

Андриан шагнул вперёд, заслоняя её собой.

Этот жест был настолько естественным, что Изабелла не сразу поняла, что он сделал.

Она посмотрела на его плечо, затем на него самого.

— Там может быть просто плохо закреплённая доска, — сказала она.

— Может быть.

Но он не двинулся дальше.

Несколько секунд они стояли неподвижно.

Затем из-за шкафа вылетела небольшая птица, забравшаяся внутрь через разбитое стекло, и шумно поднялась к потолку.

Изабелла выдохнула и невольно рассмеялась.

— Похоже, ваша оранжерея всё-таки не совсем пуста.

Андриан обернулся.

На его лице появилось облегчение, которое он тут же попытался скрыть.

— Надеюсь, вы не собираетесь включить птицу в список подозреваемых.

— Пока она единственная, у кого есть убедительное алиби.

Он улыбнулся, и на этот раз улыбка была совсем не той сдержанной улыбкой хозяина поместья, которую она видела при первой встрече.

Изабелла вдруг поняла, что ей хочется увидеть его таким ещё раз.

Эта мысль оказалась неожиданной и потому особенно неприятной.

Она первой отвернулась к столу.

— Нам нужно проверить шкаф.

Внутри обнаружились старые каталоги, несколько пустых папок и небольшая деревянная коробка.

Коробка была заперта, но замок выглядел сломанным.

На крышке темнел круглый след, словно на неё когда-то ставили тяжёлый сосуд.

Андриан осторожно поднял крышку.

Внутри лежали пожелтевшие карточки с названиями картин.

Большинство надписей расплылось, однако одна карточка сохранилась лучше остальных.

Изабелла прочитала её вслух:

— «Пейзаж с голубой дверью».

Автор неизвестен.

Перемещён из западного крыла.

Она подняла глаза.

— Значит, картина действительно существовала.

Андриан взял карточку и внимательно посмотрел на дату.

— И её переместили сюда задолго до того, как я стал заниматься делами поместья.

— Но потом она оказалась в восточной галерее.

— Похоже на то.

Изабелла перелистнула остальные карточки.

Одной не хватало.

Между двумя плотными листами остался узкий прямоугольный след, словно карточку вынули совсем недавно.

Она посмотрела на шкаф, на пыльный пол и на дверь.

Теперь у неё было уже несколько наблюдений, которые трудно было объяснить случайностью.

— Я хочу осмотреть здесь все полотна, — сказала она.

— Не сегодня, но в ближайшие дни.

Возможно, среди них найдётся то, что нам нужно.

— Я распоряжусь, чтобы помещение подготовили.

— Не надо ничего переставлять без меня.

Если здесь остались следы, я не хочу, чтобы их случайно уничтожили.

Андриан кивнул.

— Как скажете.

Изабелла посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Вы так легко соглашаетесь?

— Не привыкайте.

Она улыбнулась, но в этот момент заметила у самой двери тонкую синюю нить, зацепившуюся за выступ металлической рамы.

Точно такого же оттенка, как та, что они нашли за картиной.

Изабелла осторожно сняла её пинцетом и убрала в отдельный бумажный конверт.

На этот раз Андриан не пошутил.

Когда они вернулись в дом, солнце уже начало клониться к холмам.

У лестницы их встретила мадам Бертран.

Она посмотрела на ключи в руке Андриана, затем на небольшой конверт, который Изабелла держала в пальцах.

— Вы были в оранжерее?

— спросила она.

— Да, — ответил Андриан.

— Искали старые полотна.

Управляющая помолчала.

— Надеюсь, вы ничего не трогали без необходимости.

— Мы действовали осторожно, — сказала Изабелла.

— Там есть несколько вещей, которые стоит изучить.

Мадам Бертран посмотрела на неё с выражением, которое трудно было истолковать.

— Тогда советую вам быть столь же осторожной с людьми, как вы осторожны с картинами.

Изабелла не успела ответить.

Управляющая уже направилась по коридору, оставив их вдвоём.

— Она всегда такая?

— спросила Изабелла.

— Какая?

— Будто каждое простое предложение имеет второе значение.

Андриан задумался.

— Не всегда.

Иногда она говорит прямо.

— И когда это бывает?

— Обычно тогда, когда уже поздно что-либо менять.

Он произнёс это без улыбки.

Изабелла внимательно посмотрела на него, но не стала задавать новый вопрос.

Впервые ей показалось, что за его сдержанностью скрывается не только привычка к одиночеству.

Возможно, он сам не знал всего, что происходило в собственном доме.

Они остановились у развилки коридоров.

— Спасибо за помощь сегодня, — сказала Изабелла.

— Вы справились бы и без меня.

— Вероятно.

Но тогда мне пришлось бы самой открывать тяжёлую дверь.

— И это было бы серьёзной потерей для истории Вальмона.

Она рассмеялась.

— До завтра, господин де Монтрё.

— До завтра, мадемуазель Лоран.

Изабелла ушла первой.

Андриан ещё некоторое время стоял на месте, глядя в пустой коридор.

Ему следовало вернуться к бумагам, проверить счета виноградников, ответить на письма.

Вместо этого он думал о том, как она смеялась в оранжерее, как сосредоточенно рассматривала старую рамку и как спокойно спорила с ним, не пытаясь ни понравиться, ни задеть его.

Он не привык, чтобы чьё-то присутствие оставалось с ним после расставания.

И это начинало его беспокоить.

В своей комнате Изабелла положила конверт с синей нитью рядом с блокнотом.

Она собиралась записать результаты осмотра, но сначала долго смотрела на пустую страницу.

В конце концов она написала:

«Оранжерея.

Следы недавнего посещения.

Карточка картины «Пейзаж с голубой дверью».

Синяя нить того же оттенка, что и в раме из восточной галереи».

Она закрыла блокнот.

Потом, помедлив, добавила ещё одну строку:

«Андриан де Монтрё знает о доме меньше, чем хочет показать».

Изабелла перечитала написанное, нахмурилась и тут же зачеркнула последнюю фразу.

Это было непрофессионально.

По крайней мере, она решила так считать.

За окном темнело.

Где-то в глубине поместья закрылась дверь, и по старым коридорам прокатился глухой звук.

Вальмон снова погрузился в тишину.

Но теперь Изабелла знала: кто-то приходил в оранжерею.

Кто-то открывал старую картину.

И кто-то очень не хотел, чтобы забытые вещи снова заговорили.

А завтра ей предстояло выяснить, кто именно.

Глава 5. Запах лаванды

На следующее утро Изабелла проснулась раньше звонка колоколов в деревне.

Она долго лежала, глядя на светлую полоску солнца на стене, и пыталась убедить себя, что мысли о Вальмоне не имеют ничего общего с его хозяином.

Картины, документы, синяя нить — вот что занимало её.

Всё остальное было случайным отвлечением.

В частности, воспоминание о том, как Андриан шагнул вперёд в оранжерее, заслонив её собой, можно было считать всего лишь рефлексом человека, привыкшего отвечать за всё вокруг.

Изабелла повторила это про себя, собираясь, и почти поверила.

В галерее её ждала мадам Бертран.

На столе стояла чашка кофе, рядом лежали несколько листов и небольшая связка ключей.

— Вы рано, мадемуазель Лоран, — сказала управляющая.

— Старые картины не любят, когда их заставляют ждать.

— А старые дома не любят, когда в них задают слишком много вопросов.

Изабелла сняла перчатки и посмотрела на неё.

— Тогда нам обеим придётся привыкать друг к другу.

В уголках губ мадам Бертран мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Возможно.

Она подвинула к Изабелле листы.

Это были старые счета за работы в восточном крыле, датированные несколькими десятилетиями ранее.

Среди обычных записей о штукатурке, стекле и ремонте паркета одна строка была подчёркнута карандашом: «Перенос полотна из западной галереи.

Упаковка отдельно.

Без внесения в общий каталог».

— Вы нашли это в архиве?

— спросила Изабелла.

— В папке, которую вы просили вчера.

— Почему запись не внесли в каталог?

— Я не знаю.

Эти документы старше меня.

Ответ был правильным, но прозвучал так осторожно, будто мадам Бертран тщательно выбирала каждое слово.

— Вы помните, чтобы кто-нибудь рассказывал об этой картине?

— спросила Изабелла.

Управляющая сложила руки перед собой.

— В Вальмоне было много картин.

Некоторые меняли комнаты, некоторые отправляли на хранение.

Не всё, что исчезает из виду, исчезает навсегда.

— Это звучит как ответ человека, который не хочет отвечать.

— А вы задаёте вопросы так, будто уже знаете ответ.

Изабелла не стала спорить.

Она отметила номер счёта в блокноте и попросила разрешения просмотреть остальные документы.

Мадам Бертран оставила ключи на столе и вышла, но у двери остановилась.

— Если отправитесь в деревню, не забудьте взять зонт.

После полудня может пойти дождь.

Изабелла посмотрела в окно.

Небо было ясным, голубым и совершенно безоблачным.

— В Провансе дождь приходит так неожиданно?

— Иногда, — ответила мадам Бертран.

— Как и люди.

И ушла, не пояснив, что имела в виду.

К полудню Изабелла закончила сверять даты и решила пройтись до деревни.

Ей требовались специальные материалы для пробного анализа лака, а местный магазин художественных принадлежностей, по словам управляющей, находился рядом с площадью.

У выхода из дома она столкнулась с Андрианом.

Он говорил по телефону и выглядел недовольным.

Увидев её, он коротко завершил разговор.

— Вы куда-то собираетесь?

— В деревню.

Мне нужны материалы для работы.

— Я как раз еду туда.

— Тогда вам повезло: дорога не будет скучной.

— Вы предлагаете мне компанию?

— Я сообщаю вам, что тоже направляюсь в ту сторону.

Не стоит приписывать моим словам лишний смысл.

Андриан посмотрел на неё с тем выражением, которое Изабелла уже научилась узнавать: он собирался ответить колкостью, но передумал.

— Машина у входа.

Если хотите, подвезу.

Она хотела отказаться.

Независимость была для неё не позой, а привычкой, и принимать помощь только потому, что её предлагал хозяин поместья, казалось неправильным.

Но до деревни было неблизко, а коробка с материалами могла оказаться тяжёлой.

— Спасибо.

Только не ждите, что я буду всю дорогу восхищаться вашим автомобилем.

— Я переживу это разочарование.

Поездка заняла меньше четверти часа.

Дорога спускалась между виноградниками, затем проходила мимо каменных домов с зелёными ставнями.

На повороте открылся вид на долину, залитую солнцем, и Изабелла невольно повернулась к окну.

— Красиво, — сказала она.

— Вы уже говорили это о террасе.

— Красивые места не перестают быть красивыми только потому, что я повторяюсь.

— А люди?

Она повернулась к нему.

— Что люди?

— Могут ли они понравиться вам больше одного раза?

Вопрос прозвучал легко, будто он был частью обычной беседы.

Но на мгновение Изабелла забыла, что собиралась ответить.

— Это зависит от того, насколько настойчиво они стараются испортить первое впечатление.

Андриан улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги.

— Тогда я постараюсь вести себя осторожно.

— Начните с того, чтобы смотреть на дорогу.

Он рассмеялся, и остаток пути прошёл в непринуждённом молчании.

Магазин оказался небольшим, но хорошо устроенным.

Изабелла быстро нашла нужные материалы и ещё несколько минут расспрашивала владельца о происхождении старых пигментов.

Андриан остался у входа, терпеливо ожидая, хотя по его виду было ясно, что разговор о составе грунта не входил в число его любимых тем.

Когда она наконец вышла, он протянул ей бумажный пакет.

— Вы забыли это на прилавке.

— Спасибо.

Я бы заметила.

— Несомненно.

Возможно, через полчаса.

— Вы удивительно терпеливы для человека, который постоянно жалуется.

— Я не жалуюсь.

Я фиксирую обстоятельства.

— Значит, у нас больше общего, чем я думала.

Они направились к машине, но у площади Изабелла остановилась возле небольшого прилавка с лавандовыми саше.

На столе лежали мешочки из льна, перевязанные тонкими лентами, и маленькие пучки сухих цветов.

Она выбрала один мешочек и поднесла к лицу.

Запах был мягким и чистым — летний, знакомый с детства.

— Любите лаванду?

— спросил Андриан.

— Моя мама держала такие мешочки в шкафу с бельём.

Говорила, что даже обычные вещи должны хранить немного красоты.

Она произнесла это спокойно, но в голосе появилась теплота, которой он прежде не слышал.

— Она была права, — сказал Андриан.

Изабелла посмотрела на него.

Он не задавал привычного вопроса о её семье и не пытался вытянуть подробности.

Просто принял её слова, как принимают то, чем человек решил поделиться.

— Вы умеете иногда говорить что-то совершенно нормальное, — заметила она.

— Не рассказывайте никому.

Это может повредить моей репутации.

Она рассмеялась и купила саше.

Когда они вышли с площади, небо над холмами потемнело.

Ветер поднял пыль на дороге, а первые капли дождя упали на камни.

— Мадам Бертран предупреждала, — сказала Изабелла.

— Значит, она всё-таки умеет предсказывать погоду.

Дождь усилился прежде, чем они дошли до машины.

Андриан открыл зонт, но порыв ветра вывернул его край.

Изабелла рассмеялась, пытаясь удержать пакет с покупками, и в следующую секунду оказалась рядом с ним под слишком маленьким укрытием.

Их плечи соприкасались.

Андриан чуть наклонил зонт в её сторону, оставляя собственный рукав под дождём.

— Вы промокнете, — сказала она.

— Это всего лишь вода.

— А я думала, в Вальмоне всё должно быть под контролем.

— Не всё.

Он произнёс это негромко.

Изабелла подняла глаза, но он уже смотрел на дорогу, выбирая место, где можно было пройти без луж.

Они добрались до машины, смеясь над неудачным зонтом и мокрыми рукавами.

В салоне Андриан включил отопление, а Изабелла положила покупки на колени.

От лавандового саше исходил тонкий аромат, смешиваясь с запахом дождя.

— Сегодня вы спасли мои материалы, — сказала она.

— И вашу причёску.

— Моя причёска не нуждается в спасении.

— Конечно.

Она просто пережила небольшое испытание.

Изабелла покачала головой, но улыбку скрыть не смогла.

Когда они вернулись в Вальмон, дождь уже закончился.

На каменных дорожках блестела вода, а сад пах мокрой землёй и лавандой.

Андриан помог ей вынести коробку с материалами, и их руки на мгновение встретились на картонной ручке.

На этот раз никто не отступил сразу.

Мгновение оказалось коротким — всего один взгляд, одна едва заметная пауза.

Затем Изабелла взяла коробку и поблагодарила его так ровно, будто ничего не произошло.

— До завтра, — сказала она.

— До завтра.

Она поднялась по лестнице, чувствуя, как аромат лаванды остаётся рядом.

В комнате Изабелла поставила саше возле блокнота и открыла окно, чтобы впустить свежий воздух.

На странице с записями о картине она добавила новую строку: «В старых счетах найдено указание на перенос полотна из западной галереи.

Причина неизвестна».

Потом закрыла блокнот и посмотрела на лавандовый мешочек.

Ей хотелось думать, что этот день запомнится ей только дождём, найденной записью и ароматом цветов.

Но в памяти снова возник голос Андриана: «Не всё».

Она не знала, что именно он имел в виду.

И впервые ей захотелось спросить — не как реставратору, а просто как женщине, которой стало интересно, что скрывается за сдержанностью этого человека.

Глава 6. Тень западной галереи

Утро в Вальмоне началось с тихого стука дождевых капель по подоконнику.

Небо над виноградниками оставалось серым, и даже привычный свет, который обычно заливал коридоры поместья, казался сегодня приглушённым.

Изабелла пришла в мастерскую раньше обычного.

Она разложила на столе записи, найденные счета и карточки из старого каталога.

Строка о переносе полотна из западной галереи не давала ей покоя.

В документах не было ни имени владельца, ни названия картины — только распоряжение упаковать её отдельно и не вносить в общий каталог.

Так не поступали с обычными пейзажами.

По крайней мере, если только кто-то не хотел, чтобы о них забыли.

Она уже собиралась проверить оборот одной из старых рам, когда в дверях появился Андриан.

— Вы всегда начинаете день с расследования?

— спросил он, окинув взглядом стол.

— Только когда дом сам оставляет мне подсказки.

— Надеюсь, он хотя бы не требует от вас отчёта к обеду.

— Пока нет.

Но если потребует, я выставлю ему счёт за сверхурочную работу.

Уголок его рта дрогнул.

Андриан снял перчатки и подошёл к столу.

Взгляд задержался на старом документе, и выражение его лица изменилось едва заметно — словно он узнал почерк или вспомнил что-то, о чём предпочёл бы не говорить.

— Вы знаете, кто распорядился перенести картину?

— спросила Изабелла.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Она подняла глаза, но Андриан уже рассматривал бумагу, будто пытался разобрать выцветшие цифры.

— Это распоряжение старше большинства документов в каталоге, — сказал он наконец.

— В те годы западную галерею редко открывали.

Там хранили вещи, которые собирались реставрировать, но до них так и не дошли руки.

— А потом забыли?

— В Вальмоне многое предпочитали называть забытым.

В его голосе не было насмешки.

Изабелла почувствовала, что за этой фразой стоит нечто личное, и впервые решила не задавать следующий вопрос.

Иногда молчание рассказывало больше, чем ответ.

— Мне нужно осмотреть западную галерею, — сказала она.

— Хотя бы стены и крепления.

Если картину снимали, могли остаться следы.

— Галерея закрыта.

— Я заметила.

— Там небезопасно.

Часть пола требует ремонта, а старые ставни могут сорваться при сильном ветре.

— Тогда я осмотрю её с порога и не стану наступать на подозрительные доски.

— Вы всегда так договариваетесь с запретами?

— Только если запрет не объясняет, почему он существует.

На этот раз Андриан не ответил сразу.

Он посмотрел на неё внимательнее, и Изабелла вдруг осознала, что спорит с наследником Вальмона так, словно перед ней не хозяин поместья, а коллега, который мешает ей работать.

Странным образом это не раздражало его — по крайней мере, внешне.

— После обеда, — решил он.

— Я покажу вам галерею.

Но вы не будете ничего трогать без моего разрешения.

— Разумеется.

— Вы согласились слишком легко.

— Я оставила за собой право задавать вопросы.

— Этого я и опасался.

***

После обеда дождь прекратился.

Андриан принёс связку ключей и повёл Изабеллу по узкому коридору в западное крыло.

Здесь пахло холодным камнем, сухой древесиной и чем-то едва уловимо затхлым.

На стенах висели портреты людей, чьи имена Изабелла пока не запомнила; некоторые лица потемнели под старым лаком, другие словно растворялись в тенях.

У двери Андриан задержался.

Он выбрал ключ не сразу, перебрал несколько, прежде чем замок щёлкнул.

Дверь открылась с тяжёлым скрипом.

Западная галерея оказалась длиннее, чем Изабелла представляла.

Высокие окна были закрыты ставнями, и узкие полосы света падали на пол через щели.

На стенах виднелись прямоугольники более светлой штукатурки — следы картин, которые когда-то висели здесь годами.

Изабелла осталась у порога, как и обещала.

Она внимательно осмотрела крепления, пустые места и пыль на полу.

— Вот, — сказала она, указывая на стену возле дальнего окна.

— Здесь висело полотно крупного размера.

Видите следы от нижних креплений?

А рядом — более свежие царапины.

Картину снимали не так давно, по крайней мере, не в ту эпоху, к которой относится счёт.

Андриан подошёл ближе, но остановился рядом с ней, не пересекая условную границу, которую она сама обозначила.

— Значит, её могли переместить повторно?

— Или кто-то проверял место, где она висела.

Он посмотрел на тёмную стену.

На мгновение привычная собранность исчезла, и Изабелла увидела в его лице не раздражение, а тревогу.

— Вы знали, что здесь недавно были?

— спросила она тише.

— Нет.

Теперь ответ прозвучал убедительно.

И от этого стало не спокойнее, а тревожнее.

У самого окна Изабелла заметила крошечный кусочек бумаги, застрявший между плинтусом и стеной.

Она не стала наклоняться, а лишь указала на него Андриану.

Он достал из кармана чистый платок, осторожно поднял находку и передал ей.

Это был обрывок старой этикетки.

На пожелтевшей поверхности сохранилась часть слова и несколько букв, написанных синими чернилами.

Полного названия прочесть было невозможно, но внизу стояла цифра — возможно, номер инвентарной записи.

Изабелла перевернула бумагу, не касаясь чернил пальцами.

— Это может совпасть с карточкой из оранжереи, — сказала она.

— Там был номер, который не относился ни к одному из полотен в общем каталоге.

— Вы уверены?

— Нет.

Но теперь у нас есть причина проверить.

Андриан смотрел на этикетку дольше, чем требовалось.

Затем осторожно сложил платок так, чтобы бумага не выпала.

— Пока никому не говорите о находке, — попросил он.

— Даже мадам Бертран?

— Особенно ей.

Изабелла удивлённо взглянула на него.

Впервые он попросил её о чём-то не как хозяин дома, а как человек, которому нужно довериться другому, пусть даже ненадолго.

— Хорошо, — сказала она.

— Но если вы хотите, чтобы я продолжала искать, мне понадобится доступ к старому каталогу и архиву.

— Вы торгуетесь даже после того, как нашли улику?

— Это не торг.

Это условия работы.

— Разумеется.

Он произнёс это с такой серьёзностью, что Изабелла улыбнулась.

Андриан заметил улыбку, и на секунду между ними возникло то лёгкое взаимопонимание, которое не требовало ни признаний, ни объяснений.

Потом он отвернулся и запер галерею.

На обратном пути они шли молча.

У лестницы Андриан остановился.

— Изабелла…

Она обернулась, ожидая продолжения.

Но он, казалось, передумал.

— Если в архиве встретятся документы с именами моей семьи, сначала покажите их мне.

— Я покажу вам всё, что относится к истории картины, — ответила она.

— Но не обещаю заранее, что выводы вам понравятся.

— Я и не жду, что вы будете подбирать слова ради моего спокойствия.

— Вот и хорошо.

Их взгляды встретились.

В его глазах на мгновение появилось что-то похожее на благодарность — или, возможно, это было просто облегчение оттого, что рядом оказался человек, который не собирался льстить ему и не пытался угадать удобный ответ.

Вечером Изабелла вернулась в мастерскую и записала номер с этикетки.

Рядом она оставила место для названия, которого пока не знала.

Потом достала из папки карточку из оранжереи и положила рядом с находкой.

Цифры совпадали не полностью.

Но почерк был похож, а синие чернила на обеих бумагах имели один и тот же выцветший оттенок.

Она закрыла папку и посмотрела в окно.

Вдалеке, за мокрыми виноградниками, небо над холмами постепенно светлело.

Вальмон больше не казался просто старым красивым домом, полным забытых вещей.

Он напоминал картину, которую много раз переписывали поверх прежних слоёв, пока под новым изображением не исчезло почти всё настоящее.

И всё же что-то оставалось видимым — достаточно, чтобы захотелось снять следующий слой.

Изабелла погасила лампу, не заметив, что в коридоре на другом конце крыла кто-то задержался у запертой двери западной галереи.

Глава 7. Между строк

На следующее утро Изабелла обнаружила, что Вальмон умеет хранить не только тайны, но и чужие привычки.

На подоконнике мастерской стояла чашка кофе — именно такого, какой она пила: без сахара, с небольшим количеством молока.

Рядом лежала тонкая папка с архивными описями и записка, написанная аккуратным, уверенным почерком:

«Документы, которые вы просили.

Кофе не входит в официальные условия вашей работы.

Считайте это исключением из правил.

А. де Монтрё».

Изабелла невольно улыбнулась.

Он мог просто передать папку через служащего.

Мог оставить кофе без записки.

Но нет — ему непременно требовалось последнее слово, даже когда он делал что-то приятное.

Она взяла перо и на чистом листке написала ответ:

«Принято.

В следующий раз постарайтесь не забыть, что у хорошего кофе есть шанс повлиять на мои выводы.

И. Лоран».

Записку она вложила в папку, а потом несколько секунд смотрела на неё, решая, не слишком ли смело это звучит.

В конце концов, она оставила всё как есть.

Если Андриан привык к людям, которые подбирают каждое слово, чтобы не задеть его самолюбие, ему не повредит небольшое разнообразие.

Архивные описи оказались полезнее, чем она ожидала.

В одном из старых журналов нашлась запись о полотне, снятом с западной стены почти двадцать лет назад.

Название было стёрто, зато сохранились размеры и короткая пометка: «Передано на временное хранение по семейному распоряжению».

Ни подписи, ни адреса.

Но в соседней графе кто-то позднее добавил две буквы — «Л. Л.» — и поставил рядом маленький крестик синими чернилами.

Изабелла застыла.

Лоран.

Фамилия её матери, а теперь и её собственная.

Она перечитала запись ещё раз, стараясь не позволить воображению бежать впереди фактов.

Лоран была не редкой фамилией.

Две буквы могли означать что угодно.

И всё же совпадение было слишком точным, чтобы отмахнуться от него.

В дверь постучали.

— Надеюсь, я не помешал очередному допросу старых бумаг?

— спросил Андриан, входя с подносом, на котором стояли две чашки.

— Бумаги пока отказываются отвечать.

Но одна из них начала проявлять характер.

Он поставил поднос на стол и посмотрел на открытую страницу.

Изабелла заметила, как его взгляд скользнул по записи, задержался на буквах и вернулся к ней.

— Вы что-то нашли.

— Возможно.

А возможно, я просто нашла способ испортить себе утро.

— Тогда позвольте мне хотя бы исправить его кофе.

— Вы собираетесь сделать это своей новой обязанностью?

— Я предпочитаю думать, что это разумная инвестиция.

— В мои профессиональные услуги?

— В ваше хорошее настроение.

Оно, как я уже заметил, делает вас ещё опаснее.

Изабелла подняла брови.

Это была почти любезность — и слишком близко к флирту, чтобы списать её на обычную вежливость.

Андриан, кажется, понял это одновременно с ней.

Он отвернулся к окну, будто внезапно заинтересовался дождевыми тучами над садом.

— Вы сегодня необычайно разговорчивы, — заметила она.

— А вы необычайно внимательны к моим словам.

— Это профессиональная привычка.

Я замечаю даже самые мелкие трещины.

— И всегда сообщаете о них владельцу?

— Только если трещина представляет опасность для здания.

Он рассмеялся — негромко, искренне, без привычной сдержанности.

Этот звук удивил Изабеллу больше, чем любая из его улыбок.

Ей вдруг захотелось услышать его снова, и это желание показалось ей совершенно неуместным.

Она придвинула к нему журнал.

— Посмотрите на эти инициалы.

Андриан снова стал серьёзным.

Он долго изучал запись, затем осторожно провёл пальцем по полю, не касаясь чернил.

— Я не узнаю почерк, — сказал он.

— Но крестик…

В старых документах моей бабушки так отмечали распоряжения, которые нельзя было копировать в общий реестр.

— Значит, кто-то сознательно убрал эту картину из обычного учёта.

— Похоже на то.

— И теперь нам нужно выяснить, кто такая Л. Л.

Он поднял глаза.

— Вы понимаете, что это может оказаться совпадением?

— Конечно.

Я не собираюсь придумывать родословную по двум буквам.

— Хорошо.

— Он помедлил.

— Я бы не хотел, чтобы вы оказались втянуты в семейную историю, которая не имеет к вам отношения.

— Тогда не следовало приглашать меня реставрировать картины в доме, где прошлое прячут за закрытыми дверями.

— Справедливо.

— И ещё, Андриан…

— Она впервые произнесла его имя без обращения и без намеренной официальности.

— Если вы что-то знаете, лучше сказать мне.

Я умею отличать факт от догадки.

Он смотрел на неё так, словно именно эта простая просьба застала его врасплох.

Между ними повисла тишина — уже не неловкая, но и не вполне безопасная.

— Я постараюсь, — ответил он наконец.

— Это почти обещание.

— Не привыкайте.

Я не раздаю их направо и налево.

— Тогда я запомню, что мне досталось редкое исключение.

На этот раз улыбнулись оба.

Позже они отправились в библиотеку, где хранились старые планы поместья.

Андриан сам снял с верхней полки тяжёлую папку, но, когда Изабелла потянулась к ней, их руки встретились на кожаном корешке.

Прикосновение было коротким, почти случайным.

И всё же ни один из них не отдёрнул руку сразу.

— Осторожно, — сказал он тише, чем требовалось.

— Она тяжелее, чем кажется.

— Я умею обращаться с тяжёлыми вещами.

— Я уже начинаю в этом сомневаться.

— Почему?

— Потому что вы каждый день находите что-то, что заставляет меня пересматривать собственные убеждения.

Он произнёс это почти шутливо, но взгляд у него был серьёзный.

Изабелла почувствовала, как тепло поднимается к щекам, и поспешила раскрыть папку, делая вид, что её занимает только план.

На схеме западное крыло было обозначено иначе, чем на современном плане.

За галереей значилось небольшое помещение без окон, которого теперь не существовало.

Рядом карандашом было написано: «кладовая полотен».

Ниже — дата и инициалы, частично стёртые временем.

— За стеной могло быть ещё одно помещение, — сказала Изабелла.

— Или старый проход, который заложили при ремонте.

— Вы знали о нём?

— Нет.

Но знаю, кого можно спросить.

Он закрыл папку, однако не сразу отпустил её.

Их пальцы снова оказались рядом — теперь уже слишком близко для случайности.

Андриан посмотрел на её руку, потом на неё саму.

— Вы всегда так смотрите на людей, когда хотите добиться ответа?

— спросил он.

— Только на тех, кто умеет уклоняться от вопросов.

— Значит, мне стоит быть осторожнее.

— Вам давно стоило.

В его глазах вспыхнуло весёлое удивление.

Он наклонился чуть ближе, словно собирался ответить шёпотом, но остановился на расстоянии, которое оставляло ей возможность отступить.

— А если я не хочу быть осторожным?

Сердце Изабеллы сбилось с ритма.

Она могла бы отшутиться, могла бы сделать вид, что не поняла.

Вместо этого она выдержала его взгляд.

— Тогда вам придётся отвечать за последствия.

На мгновение в библиотеке стало так тихо, что слышно было, как за окном капает вода с карниза.

Андриан отступил первым.

Но улыбка, оставшаяся на его лице, была совсем не похожа на ту безупречную улыбку, которой он встречал гостей.

— Пожалуй, — сказал он, — это самый разумный совет, который я получил за последнее время.

Вечером Изабелла снова открыла журнал и переписала инициалы в свою тетрадь.

Теперь рядом с загадкой исчезнувшей картины появилось новое имя — пока только возможное, пока не подтверждённое ничем, кроме старой записи.

Но мысли её возвращались не только к буквам на бумаге.

Она вспоминала смех Андриана, его взгляд над раскрытой папкой и вопрос, на который так и не дала настоящего ответа.

Ей следовало думать о картине.

О спрятанном помещении.

О женщине, чьи инициалы могли быть связаны с прошлым её матери.

Вместо этого она поймала себя на том, что улыбается, глядя на записку о кофе.

И это было куда опаснее любой тайны Вальмона.

Глава 8. Когда гаснет свет

К вечеру ветер переменился.

Он шёл с холмов, гнал над виноградниками тяжёлые тучи и заставлял старые кипарисы шуметь так, словно они шептались о чём-то, чего люди не должны были услышать.

Изабелла задержалась в мастерской, пытаясь сопоставить план западного крыла с архивной записью.

За заложенной кладовой, судя по старому чертежу, проходила узкая лестница.

На современном плане её не было.

Если лестницу действительно убрали, то куда делся выход?

Она уже собиралась закрыть папку, когда внизу, за дверью, послышались быстрые шаги.

Затем — голос мадам Бертран, непривычно резкий:

— Месье, вы не можете идти туда в такую погоду!

— Я знаю этот дом лучше, чем вы думаете.

Голос Андриана.

А потом хлопнула дверь.

Изабелла встала.

Она не собиралась подслушивать, но через несколько секунд за окнами вспыхнула молния, и весь дом погрузился во тьму.

Свет погас одновременно во всех комнатах.

Где-то в коридоре вскрикнула служанка, затем послышался глухой удар.

Изабелла нащупала телефон, включила фонарик и вышла из мастерской.

В дальнем конце коридора мелькнул свет — кто-то держал фонарь у лестницы, ведущей в западное крыло.

— Андриан?

— позвала она.

Ответа не было.

Она пошла на свет.

У двери западной галереи лежала связка ключей, а сама дверь была приоткрыта.

Изнутри тянуло холодом и запахом сырой штукатурки.

Изабелла шагнула через порог и услышала, как наверху скрипнула доска.

— Я просила вас не ходить сюда одной.

Андриан появился из темноты так внезапно, что она вздрогнула.

Он держал старый фонарь, а на рукаве его рубашки темнело пятно пыли.

— А я, кажется, не обещала вам подчиняться, — ответила она, стараясь говорить спокойно.

— Что вы здесь ищете?

— То же, что и вы.

Только я надеялся найти это раньше.

— Вы знали о лестнице?

Он не ответил.

В этот момент где-то за стеной раздался короткий металлический стук — будто кто-то уронил инструмент.

Андриан резко повернулся.

Изабелла увидела, как напряглась его челюсть.

— Здесь кто-то есть, — прошептала она.

— Оставайтесь за мной.

— Нет.

Если кто-то проник в дом, я не собираюсь стоять в стороне.

— Изабелла, пожалуйста.

Впервые в его голосе не было ни приказа, ни привычной уверенности.

Только тревога.

Она замолчала — не потому, что он велел, а потому, что поняла: он действительно боится за неё.

Они двинулись вдоль стены.

Луч фонаря выхватывал старые крепления, потрескавшуюся штукатурку и следы недавней работы у высокого шкафа.

За ним обнаружилась узкая дверь, почти скрытая деревянной панелью.

Замок был сорван.

На полу лежал кусочек синей ткани.

Изабелла присела, но Андриан мягко удержал её за запястье.

— Не трогайте.

Его пальцы обхватили её руку осторожно, почти бережно.

На секунду они оба забыли о двери, о темноте и о странном звуке за стеной.

Изабелла подняла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.